

УДК 94 (571.54)
doi: 10.18101/978-5-9793-0054-2-2017-38-47

ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ БУРЯТИИ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ МОДЕРНИЗАЦИИ

© **Елаев Александр Афанасьевич**

доктор исторических наук, директор Центра сохранения и развития бурятского языка, Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: alexelaev@mail.ru

В статье поднимается проблема постепенной ликвидации бурятской государственности вследствие ее недооценки со стороны власти, равнодушия политической элиты к ее сохранению и развитию. На основе рассмотрения этапов становления и развития государственности Бурятии предлагаются новые варианты их периодизации с учетом принципиальных изменений, произошедших на каждом историческом этапе. Показывается, что трансформация государственного устройства Бурятии из национальной автономии в субъект федерации, возникшая при этом асимметричность федерации непосредственно связаны с историческими условиями формирования российского федерализма и его этнотерриториальным характером. На основе анализа и обобщения исторического пути Республики Бурятия обосновывается необходимость повышения роли республиканской власти и политической элиты в раскрытии потенциала государственности и ее использования в качестве управленческого инструмента политическим, социально-экономическим и культурным развитием республики. Делается вывод о том, что будущее бурятской государственности зависит от активной позиции республиканской власти, элиты, граждан в защите интересов республики, совершенствовании институтов государственности, укреплении федеративных отношений и целостности Российской Федерации.

Ключевые слова: Бурятия; автономия; государственность; потенциал государственности; федерализм; федерация; асимметричность.

Бурятская государственность — это неотъемлемая и органическая часть Российской государственности [1], тысячелетняя история которой чрезвычайно насыщена различными событиями. Только в XX в. страна участвовала в двух мировых, гражданской и нескольких локальных войнах, произошли две революции, которые изменили мировое устройство и исторические судьбы народов России, в том числе бурят.

Ключевым событием истории бурятского народа является образование в 1923 г. республики. 30 мая 2016 г. исполнилось 93 года со дня образования бурятской государственности — Бурят-Монгольской АССР — Бурятской АССР — Республики Бурятия.

Приходится констатировать, что в настоящее время этому знаменательному историческому событию в республике не придается должного значения. Об образовании республики вспоминают лишь по случаю очередной круглой даты и юбилея, проведение которых превратилось в дежурные мероприятия и стало бременем для органов власти.

Такое отношение власти к истории образования республики характеризует уровень понимания ею роли и значения института государственности, что, в свою очередь, транслируется на массовое сознание и порождает нигилизм и

равнодушие жителей к судьбе государственности Бурятии. Формализация и бюрократизация власти, с одной стороны, и отчуждение граждан от государственности — с другой, выхолащивают содержание ее институтов, которые, сохраняя внешнюю оболочку, превращают ее в бутафорию [2].

Нынешняя республиканская власть, руководствуясь психологией временщика, не понимая назначения государственности, не испытывает интереса к изучению ее состояния, существующих проблем и перспектив ее совершенствования. А для того чтобы государственность эффективно работала и служила управленческим инструментом в улучшении жизни людей, необходимо, чтобы в первую очередь власть и политическая элита Бурятии осознавали необходимость этой государственности и воспринимали ее как общественную ценность. Только при таком условии можно остановить начавшуюся эрозию и разрушение института государственности Бурятии.

Если рассматривать историю бурятской государственности с точки зрения ее историографии, нужно признать, что данная проблема изучена достаточно глубоко и широко. Список исследователей, занимающихся историческими, юридическими, политологическими, социологическими вопросами государственности Бурятии, внушительный, и еще более обширен список научных работ по данной проблематике.

Однако задача настоящей статьи — обратить внимание на тот огромный потенциал, который содержит в себе институт государственности вообще и бурятской региональной государственности в частности. Пока что этот потенциал еще не осмыслен и не оценен в полной мере ни республиканской властью, ни политической и научной элитой, ни обществом республики в целом, и по этой причине он остается невостребованным, почти неиспользуемым в интересах развития республики. В такой постановке заявленная тема, на мой взгляд, поднимается впервые.

Обращение к вопросам истории государственности Бурятии позволяет извлечь необходимые уроки для понимания ее роли в прошлом, настоящем и увидеть контуры будущего.

Учреждение государственности в 1923 г. создало необходимые и благоприятные условия для социально-экономического развития республики на качественно ином уровне. Государственность стала гарантом и своеобразным инструментом создания, сохранения и развития бурятской национальной культуры на новых началах.

В своем развитии бурятская государственность прошла (условно) несколько этапов. В зависимости от принципиальных изменений в содержании государственности основные этапы ее развития можно разделить следующим образом.

Укрупненная периодизация истории бурятской государственности состоит из трех этапов:

Первый этап — с 1923 по 1937 г. — этап образования республики в ходе реализации курса на мировую революцию на Востоке; второй этап — с 1937 г. (после раздела БМАССР на три части) по 1992 г. — этап отказа от курса на мировую революцию, постепенного свертывания национально-государственного строительства и затем ликвидации бурятской автономии; Третий этап — с 1992 г., или современный этап, — это преобразование бурятской автономии в Республику Бурятия — субъект Российской Федерации.

Наряду с вышеприведенной периодизацией историю бурятской государственности можно рассмотреть и несколько иначе — как пять временных этапов:

I этап — 1920–1930-е гг. — начальный и наиболее активный и плодотворный этап образования и развития национальной государственности бурятского народа.

II этап — 1930–1950-е гг. — отмечен участием Бурят-Монголии в Великой Отечественной войне, усилением унификации и консервации форм государственности.

На III этапе — 1950–1970-е гг. — было изменено название республики и стали проявляться кризисные симптомы в развитии страны.

IV этап — 1970–1990-е гг. — развитие республики в условиях кризиса и перестройки всей системы, распада СССР, затем в новой России.

V этап — современный, включает 2000-е гг., — характеризуется остановкой (стагнацией) развития российского федерализма и бурятской государственности.

Теперь коротко остановимся на принципиальных изменениях, произошедших на вышеуказанных этапах развития бурятской государственности.

I этап — 1920–1930-е гг. — создание автономных областей и образование в 1923 г. БМАССР и активный процесс национально-государственного и культурно-национального строительства до 1937 г.

Это был начальный, ключевой и наиболее плодотворный этап развития национальной государственности бурятского народа. На этом этапе произошло создание бурят-монгольских областей, их объединение и образование БМАССР. Это был активный процесс национально-государственного и культурно-национального строительства, который длился до 1937 г.

В 1920-х гг. были окончательно оформлены административные границы республики, создан государственный аппарат, была проведена его «коренизация», осуществлены масштабные социально-экономические преобразования и национально-культурное строительство. В оценке значения этого этапа можно согласиться с утверждением того времени о том, что по своему культурно-историческому значению это была настоящая национально-культурная революция. В сжатые сроки были созданы институты воспроизводства и трансляции нового бурятского «высокого» искусства, профессиональной культуры и бурятского литературного языка.

Несмотря на отсутствие полноценной конституции у республики и наличие лишь «Положения о государственном устройстве», республика сумела в сжатые сроки осуществить колоссальные преобразования.

Следует признать, что идеологические постулаты, которыми руководствовались строители Советской Бурятии, нередко вступали в противоречие с вековыми культурными традициями и устоями народа, порождали конфликты и приводили к насилию. Начальный этап социалистических преобразований и строительство бурятской государственности сопровождалось закрытием дацанов и церквей, репрессиями в отношении священнослужителей и класса имущих.

II этап — 1930–1950-е гг. — унификация и консервация форм государственности. Этот этап отмечен такими важными политическими событиями, как принятие Конституции СССР 1936 г. (как тогда она называлась «Сталинской Конституции», или «Конституции победившего социализма») и Консти-

туции республики. Ключевым, а вместе с тем трагическим событием этого этапа стал территориальный раздел республики в 1937 г., повлекший за собой политические репрессии в отношении руководства и массы рядовых труженников Бурят-Монголии. Уничтожение национальной интеллигенции и политической элиты республики, разделение бурятского этноса по трем административно-территориальным образованиям нанесли невосполнимый ущерб физическому и интеллектуальному потенциалу нации и на целые десятилетия деформировали естественное и полнокровное развитие бурятского народа. Установление «диктатуры пролетариата» — партийной власти и контроля, унификация и милитаризация общественной жизни стали теми политическими факторами, которые привели к унификации форм и выхолащиванию содержания государственности, консервации государственного устройства Бурятии и в целом замораживанию развития бурятской государственности.

Перевод государственного управления на «военные рельсы» в условиях Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) приостановил действие демократических институтов и процедур. Однако и после окончания войны, в период восстановления народного хозяйства и возврата к мирному строительству, развитие бурятской государственности как полнокровный процесс в полном объеме не возобновилось.

III этап — 1950–1970-е гг. — замедление и остановка развития институтов национальной государственности.

В середине 1950-х гг. завершился начатый еще И. Сталиным (с роспуском Коминтерна в 1943 г.) процесс окончательного отказа КПСС и СССР от курса на мировую революцию. После исторического XX съезда КПСС в 1956 г. Коминформ (Коммунистическое информационное бюро), преемник Коминтерна, прекратил свое существование.

Двойное название республики «Бурят-Монгольская», существовавшее со дня ее образования и служившее олицетворением курса на мировую революцию, теперь, в новых условиях, потеряло свою актуальность и превратилось в один из последних архаичных символов прошлого. Поэтому в 1958 г. Бурят-Монгольская АССР была переименована в Бурятскую АССР. Подтверждением этой версии переименования Бурятии являлось то, что в этот период было изменено названия другой приграничной республики — Карело-Финской ССР. Она также, с изменением внешнеполитических стратегических установок СССР, в 1956 г. была преобразована в АССР и переименована в Карельскую, что означало на практике окончательный отказ СССР от притязаний на социалистическое преобразование Финляндии.

Как было отмечено выше, в старом названии республики — «Бурят-Монгольская» — отражалась, в первую очередь, ее внешнеполитическая и идеологическая миссия, являвшаяся для центральных органов Советской России и затем Советского Союза в тот период основным политическим критерием оценки значения республики и отношения к ней. Когда же, с конца 1950-х гг., республика перестала рассматриваться Центром с позиций внешнеполитических интересов, она превратилась в одну из многочисленных территорий Союза, которая отличалась от других лишь статусом национальной автономии и своим приграничным положением.

IV этап — 1970–1990-е гг. — преобразование бурятской автономии в Республику Бурятия — субъект Российской Федерации.

Период развития страны в 1970–1980-е гг. характеризовался нарастанием кризисных явлений во многих областях жизни общества, в том числе в сфере государственного строительства. К середине 1980-х гг. СССР оказался в состоянии глубокого экономического, политического и социального кризиса, для выхода из которого во второй половине 1980-х гг. были предприняты меры по радикальному преобразованию (перестройке) системы. Однако политические, экономические и социальные реформы привели к краху самой социалистической системы, а затем и крушению СССР.

В этот период ослабления центра Бурятская АССР, как многие другие республики, в октябре 1990 г. провозгласила государственный суверенитет и была преобразована в Бурятскую Советскую Социалистическую Республику — БССР, что соответствовало в то время статусу союзной республики в СССР. Через два года, 27 марта 1992 г., Бурятская ССР переименовывается в Республику Бурятия.

После принятия в 1993 г. Конституции России в феврале 1994 г. Республика Бурятия принимает новую Конституцию. Конституция Бурятии 1994 г. закрепила кардинальные изменения общественного и государственного строя республики. Бурятия стала президентской республикой. Национальная государственность бурятского народа была преобразована в многонациональную государственность территориального типа — субъект Российской Федерации.

V этап — 2000-е гг. — остановка развития (стагнация) института государственности Бурятии.

В 2000-е годы, в новейшей истории России получившие название «нулевых», произошли кардинальные изменения в федеративном устройстве и федеративных отношениях. В Российской Федерации были созданы дополнительные надзорные структуры — федеральные округа; региональное законодательство было приведено в соответствие с федеральным. Таким образом, последствия «парада суверенитетов» 1990-х гг. были устранены и было восстановлено верховенство Конституции РФ и федерального законодательства.

Вместе с тем выстраивание «вертикали власти», укрупнение субъектов Федерации, отмена выборности и введение назначения глав субъектов, ликвидация должностей президентов в республиках — эти и другие нововведения, по мнению ряда исследователей проблем федерализма, определили вектор развития Российской Федерации как превращение в унитарное государство [3].

В постсоветский период легитимность бурятской государственности стала оспариваться и ставиться под сомнение отдельными политиками и исследователями либерального, а вернее, неолиберального толка. Основным их аргументом являлось то, что государственность народов России была предоставлена большевиками, а национально-территориальный принцип, на основе которого строились автономии и Советская Федерация, являлся изначально конфликтогенным [4].

Однако такая постановка вопроса при внимательном рассмотрении оказывается недостаточно объективной. Во-первых, общепризнанный принцип права народов на самоопределение реализуется через права личности, которые, в свою очередь, являются основой коллективных прав группы, народа [5].

Во-вторых, несмотря на потенциальную конфликтность национально-территориального принципа, он остается единственным способом реализации принципа автономии и разрешения национального вопроса. Поэтому федерации в мире существуют как по территориальному, так и по национально-территориальному принципу [6].

Еще одним аргументом неолибералов против этнического федерализма в России является асимметричность существующей федерации. Однако при ближайшем рассмотрении следует заметить, что проблема асимметричности является продуктом либеральной политики 1990-х гг., результатом политического торга союзной и российской властей.

Проблема асимметричности и ее опасность для российского федерализма, по мнению ученого-правоведа И. В. Лексина, несколько преувеличены: «Асимметрия в правовом положении регионов, напротив, может являться основанием правового равенства граждан. При наличии компактно проживающих национальных, лингвистических, религиозных групп такая асимметрия может обеспечивать, например, возможность употреблять родной язык в отношениях с органами публичной власти, получать бесплатное образование на родном языке, пользоваться результатами государственной поддержки местных культурных традиций.

Таким образом, асимметричность разграничения компетенции между уровнями публичной власти совсем не обязательно опасна для государства. Напротив, некоторыми зарубежными и российскими авторами высказано вполне резонное мнение, что такая асимметричность может выступать и в качестве средства сохранения государственного единства, особенно в условиях социально-экономической, культурной, лингвистической, национальной и иной неоднородности регионов» [7].

Современный российский федерализм подвергается критике с различных сторон. Ряд ученых выдвигает предложения о необходимости отказа от федерализма и переходе России к унитарному государству с элементами автономии (как Российская империя до 1917 г.). Согласно точке зрения других ученых, в настоящее время в России сформирован унитарный федерализм и развитие федерализма остановилось.

Следует заметить, что в последние годы в научном сообществе происходит постепенная эволюция взглядов на асимметричность и этнотерриториальность Российской Федерации: от их критики и отрицания в 1990-е гг. до признания ее существования де-факто в 2000-е гг.

По мнению Андрея Захарова, редактора журнала «Неприкосновенный запас», современный российский федерализм — это «спящий» институт федерализма, а говоря об этническом характере федерализма, он пишет следующее: «И речь вовсе не о том, что нынешняя модель российского федерализма, накрепко сбивающая вместе этнос и территорию, безоговорочно оптимальна. Ей, конечно же, присуще множество недостатков; но тревогу вызывает то, что ее радикальное реформирование в технократическом, то есть игнорирующем национальный компонент духе может оказаться еще более опасным, нежели сохранение прежнего несовершенства. Иными словами, российский федерализм нельзя отменить: можно или мириться с ним, сжав зубы и пренебрегая его постулатами на практике, или совершенствовать, добиваясь более внятной реализации его политического предназначения» [8].

Другой исследователь, известный российский этнолог Валерий Тишков, активный критик национально-территориального принципа построения федерации, в одном из своих выступлений в 2011 г. следующим образом высказался об асимметричности Российской Федерации: «Я имею в виду асимметричность нашего федерализма в виде не только областей и краев, но и в виде

21 республики, автономных округов и автономной области, которые представляют собою как бы форму этнотерриториального, внутреннего самоопределения для тех или иных так называемых титульных наций нашей страны. Это очень сложная ситуация, ее невозможно демонтировать без крови, без конфликтов.

Она заложена в нашей Конституции, более того, я даже скажу, что и нет необходимости уходить от этого, скажем, советского наследия. Это не является лишь только изобретением Советского Союза. Во многих странах Европы и не только Европы форма внутреннего этнотерриториального самоопределения на уровне государственно-административного устройства является признанным фактом» [9].

Аналогичной точки зрения по вопросу оценки проблемы асимметрии федерации и сохранения национально-территориальных образований придерживаются политологи Ирина Бусыгина и Михаил Филиппов: «Мы убеждены в том, что реальной альтернативы этническому федерализму у территориальной целостности России нет. Мы вынужденно склоняемся к этнической модели федерализма и именно России как меньшему из возможных зол и той цене, которую надо заплатить за сохранение целостности огромной многонациональной страны. ...Более того, вся политическая система должна быть выстроена таким образом, чтобы этнические меньшинства были уверены в том, что выбор в пользу этнической модели федерализма — это не пустые слова, а добросовестные обязательства, которые принимает на себя национальное большинство» [10].

В ряде своих работ известный политолог, исследователь проблем Российского федерализма Р. Ф. Туровский также указывает на то, что «...политическая асимметрия России при условии ее сохранения в нынешних границах представляется неизбежной... Национальная автономия — это институт, который, однажды создав, нельзя просто отобрать, не спровоцировав самый жесткий конфликт, чреватый сепаратизмом, терроризмом и распадом территории». И далее он подчеркивает: «Борьба с политико-административной асимметрией в России представляется контрпродуктивной, так же как и полный отказ от этнокультурных принципов государственного строительства. Реалистическая задача заключается в нахождении компромиссных моделей отношений между центром и национально-территориальными образованиями. При этом абсолютно неизбежным является тонкий, индивидуальный подход к каждому этносу, к каждой автономии» [11].

Дальнейшее развитие государственности Бурятии будет во многом зависеть от политических процессов, происходящих в стране, и характера развития федеративных отношений. В условиях неразвитости федеративных институтов и федералистского сознания ответственность за нынешнее состояние федеративных отношений лежит как на федеративном центре, так и на субъектах Федерации. Поэтому будущее государственности Бурятии определяется в самой республике за счет наличия у нее собственного видения стратегии социально-экономического развития, укрепления и совершенствования институтов государственности и принципиальной политической позиции в федеративных отношениях.

В настоящее время, судя по ряду таких признаков, как формализация содержания институтов государственности, проявление отчуждения от них гра-

ждан, распространение настроений в ее ненужности и усиление равнодушия к ее судьбе со стороны политической элиты и населения, происходит постепенная ликвидация бурятской государственности. В разрушении и ликвидации институтов государственности Бурятии принимает участие сама власть, дискредитируя себя своей неэффективностью и непродуманными действиями. Так, по инициативе гаранта Конституции и государственности — главы республики — и при поддержке парламента Бурятии принято решение отказаться от должности президента и ликвидировать конституционный суд.

Можно предположить, что формально институты государственности Бурятии как правовые конструкции могут просуществовать еще длительное время, имитируя ее наличие. Но нельзя исключать такой вариант, когда при полной зависимости руководства республики от федерального центра и его неспособности отстаивать и защищать государственность, а также при безразличии и равнодушии элиты и населения будущее государственности Бурятии может быть решено помимо их воли.

Сегодня огромный потенциал государственности [12] как эффективного управленческого инструмента не осознается и не используется в полной мере властью. Такие важные составляющие государственности, как ее история, символика и атрибутика, не работают на формирование гражданственности, консолидацию и сплочение населения в единую регионально-территориальную общность «мы — граждане Бурятии».

Поэтому именно на власти лежит историческая и политическая ответственность за сохранение и будущее развитие государственности Бурятии. Непонимание нужности государственности порождает пассивность госаппарата в формировании у граждан уважения и чувство гордости за принадлежность к республике. Формализация государственности приводит к отдалению и постепенному отторжению граждан от ее институтов, к пренебрежительному отношению к ее требованиям и формированию правового нигилизма.

Политическая элита и государственный аппарат республики должны подняться до уровня понимания значения государственности и своей ответственности за ее судьбу, то есть сформировать у себя соответствующее государственническое мышление. Наличие государственнического мышления и стратегического видения у политической элиты является условием проведения республикой собственной эффективной политики в федеративных отношениях.

Качественное улучшение всей системы государственности, повышение эффективности государственного управления будут определять будущее государственности Бурятии.

Литература

1. Сергеев А. Л. Государственность в Российской Федерации: учеб. пособие. М., 2008; Иванов В. П. Концептуальная модель междисциплинарного исследования феноменов «государство», «государственность», «государственный интерес». URL: www.superinf.ru (дата обращения: 10.03.15); Шабуров А. С. Государство и государственность: вопросы соотношения // Известия ИГЭА. 2012. № 3(83). С. 126–130; Пирумова Ю. А. Научно-теоретическая эволюция концепций государственности: аналитический обзор исследований // Власть. 2011. № 7. С. 40–43; Сафронова Е. В., Карсканова С. В. «Государство» и

«государственность»: проблема терминологического соотношения и определения. URL: <http://отрасли-права.рф> (дата обращения: 22.04.15).

2. Затонский В. А. Эффективная государственность в лично-правовом измерении: общетеоретическое исследование: автореф. дис. ... д-ра юр. наук. Саратов, 2008.

3. Бусыгина И. М., Филиппов М. Г. Агенты и принципалы: чего ожидать после «вертикали власти?». Политическое развитие России: новый поворот? // Неприкосновенный запас № 84 (4/2012). URL: <http://www.nlobooks.ru/node/2575> (дата обращения: 22.04.15); Шибаева О. О. Укрупнение регионов: проблемы и перспективы. Государственное управление // Электронный вестник. Вып. 26. Март 2011; Зубов А. Б. Унитаризм и федерализм. К вопросу о будущей организации государственного пространства России // ПОЛИС № 5 2000; Ларина Н. И. Региональная политика в условиях унитарного федерализма // Регион: экономика и социология. 2006. № 1. С. 41–50; Лебедева Е. Б., Бусыгина И. М. Административно-территориальное деление в РФ: реформы и фактор политического режима. // Полис. 2012. № 3. С. 45–62.

4. Ачкасов В. А. Можно ли с помощью федерализма решить «национальный вопрос» // Сравнительный федерализм и российские проблемы федеративных отношений: сб. ст. / под ред. Л. В. Сморгунова, Ю. Н. Солонина. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. С. 205–214; Холамханов К. Х. Федерализм и вызовы этнократии в современной России // Теория и практика общественного развития. 2012. № 1. URL: <http://teoria-practica.ru> (дата обращения: 22.04.15); Тимошев Р. М. Право наций на самоопределение и современные межнациональные конфликты // Армия и общество. 2008. Вып. 3. URL: <http://cyberleninka.ru/journal/n/armiya-i-obschestvo> (дата обращения: 22.04.15).

5. Тарасов А. Право народов на самоопределение как фундаментальный демократический принцип // «Демократия» против права наций на самоопределение. URL: <http://www.imperativ.net/news/aktual.htm> (дата обращения: 22.04.15); Калинина К. В., Рябова Е. Л. Право народов на самоопределение: проблемы реализации // Этносоциум. 2016. № 2(92). URL: <http://etnosocium.ru/node/2> (дата обращения: 22.04.15).

6. Каспэ С. И. Конструировать федерацию — *Renovatio Imperii* как метод социальной инженерии // ПОЛИС. 2000. № 5; Фарукшин М. Х. Этничность и федерализм: возможность сочетания или тотальная несовместимость. URL: [politex.info>content/view/429/30](http://politex.info/content/view/429/30) (дата обращения: 22.04.15).

7. Конституционное право Российской Федерации: учебник для вузов / М. В. Баглай. 6-е изд., изм. и доп. М.: Норма, 2007. 784 с.

8. Лексин И. В. Правовая асимметрия в территориальном устройстве государства: теория и практика // Государственное управление. Электронный вестник. 2012. Вып. 35. С.4.

9. Захаров А. Российский федерализм как «спящий» институт: перспективы пробуждения // К новой модели российского федерализма: взгляд их регионов / Междунар. фонд соц. экон. и политол. исслед. М., 2012. С.18.

10. Тишков В. А. Государственное управление в XXI в.: традиции и инновации. 9-я Международная конференция (25–27 мая 2011 г.). М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. Ч. 1. С.46.

11. Бусыгина И. М., Филиппов М. Политическая модернизация государства в России: необходимость, направления, издержки, риски. М., 2012. С. 174; Бухвальд Е. М. Децентрализация управления и целевая функция реформирования российского федерализма // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2012. Т. 5, № 6(26). С. 94–97.

12. Туровский Р. Ф. К новой модели российского федерализма. URL: <http://www.politcom.ru> (дата обращения: 22.04.15); Туровский Р. Ф. Бремя пространства как политическая проблема России // ЛОГОС. 2005. № 2(47). С.41.

13. Баранов Н. А. Потенциал государства и политико-административные отношения в контексте инновационного развития // Политико-административные отношения: концепты, практика и качество управления: сб. ст. / под ред. Л. В. Сморгунова. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2010. С. 21–35.

STATEHOOD OF BURYAT REPUBLIC: PAST, PRESENT AND PROSPECTS OF MODERNIZATION

Alexander A. Elaev

Buryat State University

24a, Smolina St., Ulan-Ude, 670000 Russia

The problem of gradual liquidation of the Buryat statehood as a result of its underestimation by the power, indifferences of political elite to its preserving and development are rises in the article. The author considers stages of formation and development of statehood of Buryat republic. He offers new options of their periodization taking into account the basic changes which happened at each historical stage. The article shows that the transformation of a state system of Buryat republic from national autonomy to the territorial subject of the federation which arose at the same time asymmetry of federation are directly connected with historical conditions of forming of the Russian federalism and its ethno territorial nature. On the basis of the analysis of Buryat Republic historical way the need to increase a role of the republican power and political elite for disclosure of potential of statehood and its use as the managerial tool by political, social and economic and cultural development of the republic is proved.

At the conclusion the author says that the future of the Buryat statehood depends on an active position of the republican power, elite, citizen in protection of interests of the republic, enhancement of institutes of statehood, strengthening of the federal relations and integrity of the Russian Federation.

Keywords: Buryat republic; autonomy; statehood; statehood's potential; federalism; federation; asymmetry.